

Юань Цзинкунь принял условия, и хотя Гун Сино заранее подготовил «Джентльменское соглашение» — скорее на всякий случай, для подстраховки, — по какой-то неведомой причине он так и не решился его предъявить.

В то мгновение, когда Цзинкунь произнес заветное «да», Сино не почувствовал ни капли удовлетворения от удачной сделки. Напротив, в груди разлилось странное, почти забытое тепло, а на душе стало непривычно спокойно.

В последующие дни каждый из них погрузился в дела, готовясь к грядущим переменам.

Первым делом Гун Сино поручил Гэн Синю разобраться с долгами семьи Юань. Сумма для него была пустяковой — с учетом всех набежавших процентов едва набиралось пятьсот с лишним тысяч, — но для Цзинкуня эти цифры были поистине астрономическими.

Затем настало время проводить мать Цзинкуня в последний путь.

В день похорон, кроме Гун Сино, рядом с Цзинкунем не было ни души. Семья Юань всегда жила замкнуто, близких друзей не завели, а дальняя родня осталась в глуши и годами не давала о себе знать. Да и не в правилах Цзинкуня было выставлять семейные беды напоказ.

Место на кладбище и надгробие он выбрал сам, настояв на том, что оплатит всё из собственных средств. В этом деле он не желал — и не принимал — помощи. Гун Сино, чувствуя его настрой, не стал вмешиваться.

Церемония, проведенная распорядителем, была скромной и торжественной. Когда всё закончилось, Юань Цзинкунь в своем черном костюме застыл перед свежей могилой. Он долго стоял неподвижно, не проявляя эмоций.

Гун Сино понимал: тот не был бесчувственным. Просто Цзинкунь не хотел казаться слабым перед ним.

Постояв немного в молчании, Сино развернулся и спустился по ступеням, оставив Юаня в одиночестве.

Как только шаги Гун Сино стихли вдали, Цзинкунь опустился на колени перед надгробием. Глядя на выгравированный портрет улыбающейся матери, он осторожно коснулся кончиками пальцев её имени, выбитого на холодном и твердом граните.

И тогда он всё же расплакался. Крупные, прозрачные капли падали на черный мрамор, орошая лежавшие на нем яркие лепестки живых цветов.

— Мама, мама... — шептал он, как в далеком детстве, но ответа не было.

Прильнув к холодному камню, Цзинкунь содрогнулся от невыносимой горечи: «Если бы вы знали, на что я пошел, разве сердце ваше не разрывалось бы от боли? Но у меня нет выбора, мама. Мне нужно спасти отца. Умоляю, прости меня».

Когда Юань Цзинкунь, пройдя мимо бесконечных рядов могильных плит, спустился к подножию холма, он увидел Гун Сино. Тот стоял в зоне для курения, изящно зажав сигарету между длинными тонкими пальцами. Глубоко затянувшись, он медленно выпустил изо рта струю сизого дыма.

В этой полупрозрачной дымке, таявшей в воздухе, его и без того статное лицо казалось еще более благородным, словно сошедшим с полотен старых мастеров.

— Всё? — спросил Гун Сино, заметив Цзинкуня, и тут же потушил сигарету. — Поехали, навестим твоего отца.

— Хорошо, — коротко отозвался Юань, следуя за ним.

Гун Сино распорядился перевести отца Цзинкуня в частную клинику к Ся Лефаню. Уровень медицины и условия ухода здесь были несравнимо выше, чем в государственном госпитале.

Сила импортных лекарств оказалась поразительной: уже в первый день терапии состояние больного стабилизировалось, и к нему начал возвращаться здоровый цвет лица.

Цзинкунь невольно проникся уважением к могуществу денег. Иногда они и впрямь могли сотворить чудо, вернув человека с того света.

Они стояли плечом к плечу у окна палаты интенсивной терапии. Заходить внутрь пока запрещалось из-за строгого стерильного режима. Юань Цзинкунь безмятежно смотрел на спящего отца, не проронив ни слова и даже не спросив о подробностях диагноза.

Гун Сино, напротив, не сводил взгляда с него самого.

— Ты уладил вопрос с работой? — спросил он наконец. — Нам нужно поторопиться.

Цзинкунь промолчал. Уволиться сейчас было непросто. Проект, которым он руководил в Институте архитектурного проектирования, только вошел в активную фазу. Если он уйдет сейчас, институт рискует попасть под жесткие штрафные санкции за срыв контракта.

Выхода не было. Трое суток напролет, не смыкая глаз, Цзинкунь работал, доводя до совершенства основные архитектурные чертежи.

На следующее утро он положил готовые эскизы на стол заместителю начальника управления и

подал заявление об уходе. Тот лишился дара речи: проект такого масштаба был завершен за три дня. Талант Юаня и впрямь оправдывал свою громкую славу.

— Послушайте, Ся Юань, — замначальника тщетно пытался его переубедить, — может, у вас что-то случилось в семье? Свадьба? Или...

— Нет, не свадьба. Просто мне нужно уйти, — Цзинкунь не умел лгать, поэтому не стал придумывать оправданий.

Начальник нахмурился. В их государственное учреждение люди годами пытались пробиться, а этот самородок уходил по собственной воле.

— Если есть проблемы дома, возьмите отпуск. Можете уходить пораньше, приходите попозже — мы всё устроим. Но увольнение... Поймите, проект только начался, если вы уйдете сейчас, то всё, что последует дальше...

Цзинкунь выглядел непреклонным.

— Простите, — в его голосе звучало искреннее сожаление. — Я понимаю, что подвожу институт своим внезапным уходом. Но обстоятельства не терпят отлагательств. Я больше не могу продолжать работу. Прошу вас, пойдите мне навстречу.

Видя его решимость, заместитель лишь тяжело вздохнул.

— Что ж, раз вы всё решили, я не вправе вас удерживать. Я предупрежу отдел кадров, можете оформлять обходной лист в любое время.

— Благодарю вас, — выдохнул Юань.

Закончив с формальностями, он, не теряя ни минуты, собрал вещи в своей старой квартире. Он был готов исполнить свою часть соглашения.

Чтобы операция прошла успешно, Ся Лефань настоял на том, чтобы Цзинкунь лег в клинику за день до процедуры для полного обследования. К счастью, анализы показали, что он абсолютно здоров.

Перед самым началом, когда Юань ушел переодеваться в операционную одежду, Гун Сино с нескрываемым волнением отвел доктора Ся в сторону:

— Каковы шансы на успех?

— Пятьдесят на пятьдесят, — честно ответил Лефань.

— Понятно, — Сино поправил очки на переносице. — А если... если ничего не выйдет? Это причинит ему вред?

— Нет.

С того самого момента, как Ся Лефань впервые увидел Юань Цзинкуня, его терзало любопытство. Где Сино отыскал такого человека? С такой внешностью и статью... На мгновение доктору даже показалось, что перед ним не случайный знакомый, а тайный возлюбленный председателя Гуна.

Уже в операционной, прямо перед введением наркоза, Гун Сино долго стоял у кровати Юаня, прежде чем негромко произнес:

— Не бойся. Я буду здесь.

Юань Цзинкунь посмотрел на него, но никак не отреагировал на эту непривычную мягкость в голосе. Он просто закрыл глаза, отдаваясь во власть забытья.

Операция длилась долгие три часа. Всё это время Гун Сино просидел на скамье в коридоре, застыв подобно изваянию.

Когда лампа над дверью погасла, он резко вскочил. Ся Лефань вышел, на ходу стягивая маску.

— Ну что? — в голосе Сино, обычно таком ровном, просквозило волнение.

— Всё прошло успешно.

Услышав это, Гун Сино облегченно выдохнул. Когда Юань Цзинкуня вывезли из операционной, он последовал за каталкой до самой палаты. Там он долго стоял у изголовья, всматриваясь в бледное, измученное лицо.

Ся Лефань наблюдал за ним со стороны. Он не видел в глазах друга явной нежности, но отчетливо ощущал: Гун Сино относится к этому человеку так, как не относился ни к кому прежде. Но в чем именно заключалась эта разница, доктор понять не мог.

«Дитя. Мое дитя, — билось в мыслях Гун Сино. — Ты мне нужен».